

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

О. Л. Орлов

*доктор культурологии, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств,
заслуженный деятель искусств РФ*

РОССИЙСКИЙ ПРАЗДНИК КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

В истории мировой культуры значительное место занимает проблема возникновения и развития праздника как феномена, представляющего ценность не только в плане изучения народного искусства, общественного быта, этногенеза, но и в целом для исследования материальной и духовной культуры народа. «Судьба нашего искусства есть судьба нашей культуры, судьба культуры – судьба веселия народного. Вот имя культуры: умное веселие народное», – так в контексте развития искусства и культуры определял место праздника, сущность его синтетического универсализма Вячеслав Иванов [7].

Праздник – явление всеобщее и постоянное именно в социально-культурной жизни народа, так как он возникает только там, где существуют духовные связи между людьми, и, порожденный ими, в свою очередь укрепляет эти связи, демонстрируя свои общечеловеческие социально-культурные качества.

До наших дней праздник, как своеобразный социальный институт, сохранил рудименты далекого прошлого, элементы языческих времен. Генетические корни практически любого праздника нужно искать в древнейших религиозных верованиях. По мнению практически всех исследователей этого феномена мировой культуры, потребность в праздниках присуща человечеству с самых древних времен, «*homo sapiens был, по всей видимости, одновременно и homo ludens – человеком играющим и празднующим*» [8].

Но праздник отнюдь не статичное, неизменное явление. Если рассматривать каждый праздник как целостную, относительно открытую систему, то в нем можно выявить все признаки, присущие сложным системам, прежде всего его динамику. Появление, расцвет, изменение элементов праздника, самого способа празднования – все это значимые показатели не только изменений внутри системы, но и перемен более общего характера. Так, упадок идеи, угасание веры и убеждения в ценности блага ослабляют и обычно, в конце концов, вовсе сводят на нет потребность в празднике. Если этот упадок сопровождается принятием новых идей, новых ценностей, новой веры, то, скорее всего, появляется и потребность в новых праздниках. Наиболее яркие тому примеры – Великая французская революция и Великая Октябрьская революция в России.

Тем не менее, можно наблюдать относительную устойчивость праздника (системы) при постоянном внутреннем изменении его содержания и формы (элементов системы). Как правило, изменения праздника являются частью общих изменений, происходящих в целом в культуре сообщества, они вытекают из тех же самых причин, и прежде всего: из изменений условий жизни сообщества; из изменений его социально-экономической структуры и политического строя либо места в общественной системе; из изменений общественного сознания сообщества, выражающихся в изменениях его системы ценностей. Иногда наблюдается также своеобразная трансформация смысла: праздник, первоначальное культовое, магическое, метафизическое, мифическое значение которого утрачено, приобретает для сообщества, соблюдающего его, новый, иной смысл.

Но, даже подвергаясь глубоким изменениям, праздник часто сохраняет старинные элементы, которым сообщество придает новый смысл и которые можно идентифицировать как идущие из далекого прошлого свидетельства о непрерывности культурных влияний и заимствований. Лишь таким путем можно вполне научно объяснить социальный смысл и функции праздника, избегая схематичных и поверхностных интерпретаций.

Как относительно открытая система праздник имеет комплекс внешних связей с другими системами. Внешние связи системы зависят от многих внешних причин, причем часто такая зависимость прослеживается постоянно. Первое место в этом ряду занимает связь праздника с общественной структурой и ее изменениями, причем не только религиозных, этнических классов или слоев, но и малых групп, начиная с семьи. Эти изменения связаны с развитием системы ценностей, с историей идей, они находят свое непосредственное выражение в вызванном праздником творчестве, знаменуют структуральные и функциональные преобразования общества. Одновременно праздник позволяет рассматривать в единстве элементы культуры, постоянно передаваемые традицией и возобновляемые в каждом поколении, а также новые ее элементы. Многие праздники представляют собой некую резервную систему культурно-исторической памяти общества (наряду с другими социальными институтами: семьей, церковью), и чем меньше удельный вес одних ее элементов, тем больше удельный вес других. Используя эту систему, принимая или отрицая, переосмысливая и ассимилируя ее, существует любое культурное развитие, любая культурная динамика.

С точки зрения внутренней динамики праздник как система представляет собой день или несколько дней, иногда праздничная фаза затягивается, но в таких случаях сама она, как правило, делится на части, отчетливо различающиеся по своему характеру, и только одна из них является праздничной кульминацией, вершинным моментом праздника.

Как уже говорилось, в процессе развития каждый конкретный праздник изменяется и трансформируется настолько, что это свидетельствует о его переходе в иное образование, иначе говоря, о том, что праздник на определенном этапе своего развития перестает быть праздником. Действительно, вся мировая история свидетельствует, что рассмотренные выше факторы вызывают не только изменения праздников и устоявшихся способов празднования, но также приводят к исчезновению одних и возникновению других праздников.

Праздник в своем генезисе всегда соприкасается с моментами, важными для человеческой общности, понимание его нельзя свести только к игре, развлечению, мифам и т. д. Вопреки кажущейся видимости праздник – это не период идиллии; зачастую он становится фазой явных или скрытых конфликтов, выявляет противоречия, враждебные друг другу силы и тенденции; связанный с чувством радости, он не может отождествляться с развлечением, что ему на протяжении почти всей его истории приписывали некоторые ученые.

Противниками праздников как развлечений, начиная с античности, были как отдельные представители философской и религиозной мысли, так и целые направления. С их точки зрения, главной целью и смыслом человеческой деятельности является труд, праздники же наделялись служебным значением, признавались лишь те из них, которые напрямую выполняли религиозные, воспитательные или иные полезные функции. В большей или меньшей степени элементы такого идеала культуры встречаются в трудах Платона, для которого образцом было государство, где удовлетворяются только необходимые потребности. Платон отвергал «излишние» потребности (культура же, как известно, всегда избыточна), считая разорительными потребности в изысканной пище, в скульптурах, зрелищах и т. п.

Подобную точку зрения поддерживали позднее некоторые разновидности христианства, прежде всего пуританство. Носитель протестантской культуры должен был прово-

дять свою жизнь, по выражению М. Вебера, в «посюсторонней аскезе» [4]. Задача пуританской аскезы – уничтожить все мирские радости, поэтому любая минута, потраченная не на труд и накопление, является величайшим грехом. Причем отрицание распространялось не только на светские праздники, но даже и на праздник Рождества Христова. По «Домострою» (памятнику средневековой русской литературы) единственным законным развлечением считалось гостевание [6].

Противоположная точка зрения отражена во взглядах Аристотеля на главную сферу жизни, который считал, что труд существует ради досуга, праздника, причем они понимались не как безделье, а как специфическая и высокая по значимости деятельность. Этих взглядов придерживались представители светской культуры Нового времени. С позиций культуры Нового времени, именно свободное время – сфера формирования и выражения собственно человеческого в человеке, труд лишь необходимое условие для создания подобных возможностей. Такие культуры по своей типологии относятся к пермиссивным (разрешающим). Русская аскеза по «Домострою» претерпела сокрушительные удары в царствование Петра I, который вводил в русскую жизнь культуру Нового времени. Но процесс модернизации начался значительно раньше: многие исследователи считают XVI–XVII вв. переломным этапом в русской культуре. А. М. Панченко утверждал, что «происходила замена веры культурой, обихода – “утехой”, обряда – зрелищем, прохладой, развлечением» [9]. Л. Н. Гумилев, согласно своей концепции этногенеза, считал XVI–XVII вв. русской истории акматической фазой (максимумом) пассионарности [5].

Сегодня существует некоторое недопонимание роли праздника, а отсюда и недооценка самого феномена досуга, праздника. Можно предположить, что потребность в празднике всегда будет уменьшаться там, где возрастает богатство и уровень образованности, где человеку не надо много и тяжело трудиться, когда ослабевают его связи, в особенности эмоциональные, с традиционными празднующими группами, к которым он формально принадлежит, когда он не зависит от ритма природы и сам рациональным образом определяет ритм собственной жизни. Потребность в празднике уменьшается также с исчезновением метафизических интересов и охлаждением к идеологии, усилением рационализма, прагматизма и культа индивидуализма, выражающегося в желании оградить личную жизнь от посторонних посягательств и в утверждении права на личную жизнь, на интимность, на изоляцию в собственном кругу основного права современного человека. Процессы отхода от религии, наблюдаемые повсеместно в индустриально развитых странах, порождают равнодушие и к религиозным праздникам; идейный индифферентизм, равнодушие ко всякой идеологии естественным образом вызывают безразличное отношение к народным, политическим и государственным праздникам.

Объективно существующие периодические кризисы тех или иных форм, типов праздников и празднования органически связаны с периодическими кризисами ценностей, с помощью которых организовано коллективное бытие людей. Но это никоим образом не уменьшает ни общественной потребности в празднике, ни его культурной роли. Ко всему прочему, культура праздника систематически обогащает некоторыми своими элементами культуру обыденную, в первую очередь сферу материальной культуры. Многие предметы, вещи, некогда употреблявшиеся только во время праздников, затем вошли в повседневный быт; многие виды действий, мероприятий, зрелищ, некогда исключительно праздничных, затем укоренились в будничной жизни.

Выводы об упадке праздника делаются учеными развитых стран на том основании, что в прошлом праздник играл более значимую роль, выполнял более разнообразные функции в жизнедеятельности человека, а его наличное существование соответственно обладало более яркой выраженной спецификой и богатством конкретных форм, чем в настоящее время.

Стихийно возникающее стремление возродить ушедшую культуру, вернуться к апробированным способам солидаризации людей, восстановить утраченное многими людьми представление об истинном гуманизме и духовности сводится по большей части (в сфере праздничной деятельности) к насыщению современных праздников и досуга элементами фольклора, этнографической экзотики. Конечно, таким способом удастся разнообразить досуг населения, придать празднику национальный колорит, но это не приводит к коренному улучшению ситуации и не дает существенных результатов в деле возрождения и сохранения национальной культуры. Таким образом, отречение от праздников, утрата интереса к ним служат признаком утраты интереса к лежащим в их основе ценностям; тогда они зачастую лишь декларируются, но не практикуются.

Между тем необходимость праздника, общечеловеческая потребность в нем обусловлена, прежде всего, множеством его общественных функций – духовного объединения, примирения, сплочения людей, возобновления общественных связей, нравственного очищения, коллективного самовыражения, эстетического образования. Выполняя компенсаторную функцию, праздник выступал как способ обретения свободы, релаксации от груза будничных забот и тревог.

Праздник, несомненно, многозначен. Но все его значения производны от тех социальных функций, которые становятся очевидными лишь в его соотнесении с основными слагаемыми исторического процесса: личностью, обществом, нацией, государством, культурой, субкультурой. Число такого рода функций достаточно велико. Наиболее общей и универсальной функцией праздника является обеспечение социальной интеграции людей: формирование оснований их устойчивого коллективного существования, стимулирование повышения уровня их групповой консолидированности и эффективности взаимодействия, накопление в процессе празднований социального опыта по гарантированному социальному воспроизводству их коллективов как устойчивых сообществ.

Одна из самых ранних функций праздника заключалась в том, чтобы исключить всякий общественный хаос и не допустить изменений. Исключенность последних из существующих картин мира, по мнению Г. Беккера, характеризует смысл сакральности [3]. Поэтому необходимо изучать самые ранние традиционные формы праздника, когда они были проявлением общих ориентаций сакральной культуры.

Трансформация всего многообразия функций праздника связана с изменениями в социальной структуре общества и общностей и с изменениями в системе социокультурных ценностей. Развитое общество институализирует многие праздники, выполняющие определенные общественные функции. К таким функциям следует отнести воспитательные и рекреативные (праздник как отдых) функции, функции физической и психической реабилитации и релаксации человека. Реализация последней функции, наряду с принятыми в сообществе социальными нормами и формами отдыха (системами выходных, отпусков, освобождением от активной деятельности по возрасту и состоянию здоровья, системой институтов организованного досуга и т. п.), немыслима без праздников самого различного уровня, а также сопутствующих им карнавалов, массовых гуляний, обрядов и игр.

Во многом благодаря пространству праздника как в его институализированных, так и неинституализированных формах, развивались такие духовные сферы, как искусство, философия и даже наука. В празднике, помимо мировоззренческих, воспитательных, регулирующих основ, мощно заявляла о себе и сугубо художественная, зрелищная сторона. Именно эта функция праздника, его роль как стимула специфического творчества личности, может быть также признана критерием общественной жизненности праздника и его идеи. Пока праздник вдохновляет людей творчества, он остается живым.

Помимо этого, зрелищная форма праздника веками была связана с культом и позволяла массам верующих, в большинстве своем не умевших читать, далеких от теологических книг, активно участвовать в религиозной жизни, переживать глубокий смысл жертвоприношения, очищения, драматизированного проявления сакральности.

В традиционной народной культуре веселье, отдых от физического труда никогда не понимались как безделье. Праздник всегда выполнял важные общественные функции, имел глубокий смысл. В нем человек наиболее остро ощущал себя одновременно личностью и членом коллектива, внутри праздника осуществлялся контакт и свободное общение, без которых невозможна нормальная жизнедеятельность человека. К тому же в самом процессе празднования реализовывалась его нормативная функция, так как праздник – это еще и проявление всех форм и видов культуры коллектива, начиная от принятых норм поведения, кончая демонстрацией нарядов и исполнением традиционных песен.

Функция свободного времени возникает в празднике не из-за его сущности, ошибочно определяемой как время, свободное от принуждения, время, когда человек может делать, что ему заблагорассудится. Она непосредственно вытекает из потребностей современного хозяйствования, в особенности рынка, для правильной деятельности которого необходима ритмичность и по возможности мощные стимулы; праздник создает для этого исключительные возможности, широко используемые во всех звеньях производства, торговли и связанной с ней рекламы. В обслуживании праздников задействованы тысячи людей различных специальностей, для которых праздники являются важным источником дохода, работает целая система институтов: торговля, кустарный промысел, промышленность, транспорт, пункты питания, гостиницы.

Экономический эффект имеют многие, некогда связанные с культом, а ныне прочно вошедшие в жизнь праздничные обычаи, такие, например, как обязательное обновление жилого дома, праздничная уборка, выбрасывание старых вещей, замена утвари. Повсеместно с праздником связаны традиции выставлять напоказ, раздавать, потреблять, иногда даже уничтожать большие количества экономически ценных продуктов. Все это обуславливает периодическое, поддающееся точному прогнозу возрастание спроса на определенные товары и услуги. Образно говоря, с праздником издавна связана праздничная ярмарка, которая ритмизирует хозяйственную жизнь, влияет на производство и торговлю и даже в настоящее время продолжает играть важную роль в экономическом балансе года.

Как и все многообразие функций культуры в целом, функции праздника можно разделить по таким направлениям, как социально-интегративное, регулятивно-нормативное, познавательное-коммуникативное, рекреационно-творческое и оценочное.

Как социокультурный феномен, праздник обладает следующими основными качествами: во-первых, непрерывность, начиная с древности и до настоящего времени; во-вторых, детерминированность праздников ритмом природы, мифологическим временем, конкретно-исторической ситуацией; в-третьих, относительная устойчивость праздника при постоянном внутреннем изменении его содержания и формы; в-четвертых, идентификация личного и национального самосознания в процессе праздника как условие преобладания социальной структуры и культурной традиции, то есть общественный, коллективный характер празднеств; в-пятых, культурная ценность праздника; в-шестых, реактуализация религиозных форм праздников в культурогенезе.

Исследователями неоднократно подчеркивалась глубинная связь мифа и религии, проявляющаяся на протяжении всей истории человечества. Первоначально религиозный взгляд на мир и сопутствующий ему тип мироощущения складывались в границах мифологического сознания. Но в отличие от религии миф обладает имманентной логикой саморазвертывания, которая необязательно обращена на последнюю реальность – непостижимый абсолют. Миф является соединительной тканью верований, его можно считать самой глубокой основой перспективной продолжительности, связывающей личные интересы, страх и скорбь перед лицом смерти, многие конкретные случаи, которые пережили или которые помнили былые поколения, – с тем доисторическим прошлым, когда, по их мнению, подобный факт произошел впервые. В отличие от религии, которая обожествляет сверхъестественное, трансцендентное, миф обожествляет не-

посредственную игру природных сил и понятые как их проявление стихийные страсти души. Для мифа природное явление (например, солнце) и страсть (например, гнев) – это и есть боги (Солнце и Гнев).

Содержание древних мифов, данные, собранные археологами, свидетельства о совершении церемоний, ритуалов, торжеств, которыми повсеместно сопровождалось праздники, указывают на то, что празднование имело место еще в доисторические времена. Превращая хаос в космос, миф создавал возможность постижения мира как некоего организованного целого. Все это выражается в простой и доступной схеме, которая могла претворяться в магическое действие. В магии или действиях, основанных на убеждении в возможности волшебного влияния человека на природу и среду обитания, находят свое выражение еще первобытные верования. Социальный феномен родового строя, возникающего в эпоху раннего палеолита, находит в человеческом сознании фантастическое отражение в форме тотемических образов кровного родства. Характерная для тотемизма магия жизни и смерти проявляется в обряде повторного рождения в новой жизни, прообразе реинкарнации – воскресения, совершаемого в тесной связи с вселяющимся вечно живущим тотемом, поедаемым единокровцами в обрядовой трапезе.

Лежащие в основе первобытного праздника магические действия давали людям уверенность в том, что можно оказать определенное влияние на силы природы, на окружающую их действительность и сверхъестественные силы, от которых, как они верили, зависела их судьба. Эта вера и своеобразные познания в области магических процедур, которые трактовались зачастую как таинственное совместное участие в праздничных обрядах, всегда играли также и роль фактора, интегрирующего группу.

Мифологические образы понимаются как реально существующие, наделяются субстанциональностью, воспринимаясь как часть действительности. Являясь продуктом синтеза чувственно-конкретного и понятийного моментов, мифологические образы в высшей степени символичны. Конкретный мифологический персонаж соотносится с широкой сферой феноменов, в том числе и с феноменом праздника. Праздники, согласно верованиям древних, устанавливались мифическими предками, основателями государства и города, предками божественного происхождения. Миф, как рассказ о судьбах необыкновенного события и необыкновенных героев, персонифицирует события и ценности, для почитания которых учрежден праздник. Но в содержании мифа часто обнаруживается и объяснение, почему и каким способом возник праздник: публичное напоминание этого рассказа или его инсценировка являются важной частью праздничного обряда.

Средством преодоления страха перед безудержным потоком времени и небытием был циклизм первоначальной архаичной мифологии. Факторы, обосновавшие общественную потребность в празднике, имеют постоянный характер; обобщенно говоря, это – ритмические явления жизни, цикличная изменчивость отрезков времени, как в тех случаях, когда мы имеем дело с природным циклом, так и тогда, когда речь идет о времени человеческой жизнедеятельности, мифическом, легендарном или историческом, действительном. Желание осознать этот ритм, почтить его и обозначить, припомнить важные моменты прошлого, стремление слиться с этим ритмом и попытки оказать на него влияние, предотвратить его возможные нарушения – вот мотивы, в силу которых люди тысячи лет отмечают праздники.

Праздничные дни связываются с лунным и солнечным циклами, с узловыми моментами сельскохозяйственного года, со стремлением обеспечить людям наиболее благоприятный ритм природы, зависящий, как считалось, от сверхъестественных сил. Во время праздников люди просили прощения у этих сил за нарушение ими естественного порядка, пытаясь тем самым вернуть их расположение. Праздник на свой манер, повторяя миф, есть усилие остановить поток времени, придать вневременной смысл тому, что некогда имело временные рамки.

Являясь исторически первой формой культуры, компенсируя недостаточность практического овладения природой через смысловое породнение с нею, мифология упорядочивает и регулирует человеческие отношения, программируя бессознательную сферу человеческой психики (ибо сознание еще слабо и неразвито) с помощью магии, символов, табу, обрядов и ритуалов. Магическое овладение природой на деле оборачивается укрощением стихийных сил души, которые, вырвавшись из-под контроля, способны разрушить жизнь общины.

Как свидетельствуют археологические данные, уже в раннем палеолите находятся доказательства существования верований и священнодействий, именуемых анимизмом и тотемизмом, а также следы периодически совершавшихся обрядов. К древним праздникам, восходящим к временам складывания тотемистических представлений, несомненно, относятся праздники, связанные с культом животных. Примером подобного культа, относящегося к праистории религии, является культ медведя, прослеживаемый еще в эпоху позднего палеолита в так называемой ориньякской культуре. Человек палеолита при этом верил, что способствует таким путем возрождению, употребляя приемы анимистической магии воплощения и совершая таким образом искупление убийства медведя и употребления его в пищу. Культ медведя и Медвежьи праздники, как свидетельствует З. Соколова, и сейчас бытуют среди немногочисленных коренных жителей Сибири [12].

Таким образом, праздник имеет более древнюю историю, чем организованные религии, в особенности те, которые создали священные тексты, особый статус жречества и теологической мысли, а также церемониал литургии. Религиозно-мифологические представления специфичны своей направленностью на непостижимое, опорой на веру как на высшую инстанцию. Вера сопряжена с попыткой человека осмыслить свое существование. Обрядовые действия базируются на ней, служат ее продолжением. В то же время они стимулируют веру. Благодаря связи с обрядами и индивидуальной жизнью верующих, а также ориентации на непостижимое, мифологические представления получают статус религиозных.

На Руси до принятия христианства отмечались многочисленные праздники, связанные с первобытной языческой религией. Эта религия была культом обожествляемых сил природы, но в нее входили также значительно более древние и повсеместно распространенные элементы тотемизма, анимизма и магии. Места отправления культов или остатки довольно примитивных святилищ славян, обнаруженные при раскопках, свидетельствуют о религиозном и общественно-политическом их характере как мест, где собирались племена для отправления культа и решения важных коллективных дел.

Большую роль в славянской религии играли сельскохозяйственный и солнечный циклы, культ солнца. Каждое славянское племя имело собственного бога, и возникновению государственных объединений сопутствовало создание официального культа и пантеона своих богов. Так, в Киеве, по свидетельству летописца Нестора, подобное место во времена правления князя Владимира занимал бог Перун.

Праздничные торжества соединялись с гаданием, магическими действиями для обеспечения успеха и недопущения зла, с развлечениями, плясками, песнями. С праздниками были связаны и пиршества в честь божеств. В исторических источниках приводится множество подробностей периодических праздничных обрядов и связанных с ними жертвоприношений, в том числе жертвоприношений людей. Как основной элемент культа, встречающийся во всех религиях, принесение в жертву – это дар, как правило, ритуально оформленный, таинственным силам, божествам, духам, святым, своего рода плата. Таким способом человек думал задобрить или умиловать духов, испросить прощения, очистить себя, заручиться их всецельной поддержкой. Помимо людей и животных, в жертву приносились, продукты питания, драгоценные камни, естественные, природные предметы и произведения человеческих рук, символические знаки и т. д., и

т. п. Позднее возникает и денежное пожертвование, как символическое, так и действительное, часто выражающееся в огромных суммах. До сих пор существует обычай не только употреблять то, что приносится в жертву, например, после освящения, но и оставлять пожертвование на месте, например, на кладбищах в день поминовения умерших. Последнее означает веру людей в то, что эти пожертвования достанутся тем, кому они предназначены, – душам умерших.

Праздники, посвященные памяти умерших, также основаны на мифах, которые нередко рассказывают о судьбах богов и героев. В строго организованных, опирающихся на теологическую мысль, а также на кодифицированные предписания и собственный календарь, религиозных культурах праздник, посвященный памяти умерших, получает свое место, дату и соответствующую литургии особую интерпретацию, согласующуюся с доктриной.

Древние представления о загробном мире связываются с представлениями о суде над душой умершего, вечном наказании или награде, об избавлении от страданий. Но даже утрата людьми веры в загробный мир не означает исчезновение потребности в почитании памяти умерших, так как с утратой религиозных верований еще не исчезает потребность в подтверждении ценности жизни живущих людей и жизни тех, кто уже умер, в подтверждении связи с умершими в форме памяти, почитания, скорби. Поэтому в той или иной форме день памяти умерших, сохраняя, как правило, многие старые обрядовые элементы, отмечается также в сообществах, отошедших от религии.

Перестав быть единственной и доминирующей формой культуры, мифология не исчезает окончательно, так как человек всегда сохраняет потребность во внерациональном породнении с миром, а это значит, что мифологическое измерение органически присуще человеческой душе и человеческой культуре. Полномасштабный опыт реконструкции магического и мифологического сознания, архаических систем мышления, трансформировавшихся в реальной практике праздников, предпринят в исследовании В. Проппа, посвященном русским аграрным праздникам [11].

Многовековая практика пересечения и взаимовлияния языческой и сакрально-церковной культур достигала своего апогея в Рождество и Новый год, на масленичную и пасхальную недели, на Троицу и в Иванов день, знаменовавших пути летнего и зимнего солнцеворота и библейско-евангельские вехи в истории христианства.

Религиозные и административные власти, считая праздники не только публичным, общественным делом, но и государственным, постепенно взяли на себя организацию игр и праздничных развлечений. Предполагалось, что праздник – отрезок времени, не столько свободный от труда, сколько запрещающий определенные виды работ, определенную деятельность и поступки, налагающий на празднующих требования особого поведения, особой этикетности, обязательного соучастия в обрядовых, ритуальных актах.

Строгость соблюдения праздничных правил объяснялась и сохранением представления о празднике как о моменте максимального напряжения сил природы, той точке, повороте, переломе, которые чреватые серьезными качественными изменениями, вплоть до глобальной трансформации космоприродного универсума. Чем важнее, значительнее праздник, тем крепче сопряжены в нем все силы и существа природы – добрые и злые, светлые и темные, благодетельные и опасные. Таким образом, поведение человека, включенного в стихию праздника (обряда), должно быть строго регламентировано; упорядочена, этикетна, пронизана правилами сама праздничная свобода.

Регламентированность праздника, добровольное подчинение его нормам и правилам во многом помогало процессу идентификации личного и национального самосознания в время праздника, что являлось одним из условий преемственности социальной структуры и культурной традиции. Идентификация личности, стремление отождествить себя с нацией, осознание своей принадлежности к великому народу есть один из механизмов

социализации личности, посредством которого приобретаются или усваиваются ценности, нормы, идеалы, роли и моральные качества того народа, к которому принадлежит данный индивид, а также все достижения человеческой культуры. В ранние периоды жизни и социализации человека, в детстве, в юном возрасте, когда в процессе воспитания он воспринимает культурные нормы, обычаи и, главное, ценности старшего поколения, формируется его отношение к празднику.

Праздник есть время особенно интенсивной культурной инициации и социализации личности, которая именно в этот период получает возможность, открывающуюся для нее еще в детском возрасте, участия как в подготовке, так и в проведении праздника. Своим эмоциональным климатом, зрелищностью, необычностью, часто весельем и изобилием, возможностью воспользоваться благами, недоступными в повседневности, подарками, развлечениями и отступлениями от обычных правил, ограничивающих человеческое поведение, праздник на протяжении тысячелетий привлекает детей и молодежь, глубоко западает им в память. Он оказывается, прежде всего, поводом к идентичности – в дни праздника молодежь часто яснее, чем в других случаях, осознает себя, а также свою тождественность с нацией, страной.

Потребность в празднике и праздновании – это не только естественная, но и культурная потребность, и потому она должна вновь возрождаться в каждом новом поколении. Церемониал, обряд, обычай праздника служат прекрасной школой культурной традиции, к которой подрастающее поколение приобщается естественным и достойным образом – через непосредственное участие в торжествах. Знание праздничного ритуала и обычая является, с одной стороны, условием действительного участия в празднике, с другой стороны, чертой принадлежности к определенной группе и ее культуре. Во время праздника в различных формах – зрелищной, вербальной, символической, метафорической или драматической, реалистической – отображается прошлое народа, мифическое и историческое, а также современность, нынешняя ситуация. Поэтому праздник служит и для ориентации молодежи во времени, в котором жил или живет его народ.

В национальной, политической и общественной жизни личность, участвуя в празднике, демонстрирует в этот день свою привязанность, верность, готовность к защите идеалов. Принятие общих ценностей, а также их критериев необходимо, прежде всего, для реализации целей общности, нации, для организации ее совместной деятельности во всех сферах жизни. Связь между ценностями и человеческим сообществом является необходимой: сам принцип, правило существования сообщества, коллектива составляет общее благо, принимаемое как ценность, хотя нередко над ним возвышается философская или религиозная надстройка, имеющая характер доминирующей ценности. Всегда можно ожидать, опираясь именно на такое теоретическое понимание, что для учреждения праздников требуются, прежде всего, главные, доминирующие ценности нации, составляющие основу ее системы ценностей.

Праздник по своей сути является формой обновления и подтверждения ценностей коллективной жизни. Являясь видом совместной деятельности, праздник и празднование позволяют обществу выразить свое почитание этих ценностей. Участие человека в праздновании является важным доказательством его устойчивой связи с сообществом, отмечающим праздник, показателем усвоения им культурных ценностей этого сообщества.

Таким образом, праздник, как по своему существу, так и по формам связан с жизнью коллектива, это коллективистское явление. Он всегда требует присутствия, участия людей, является совместным действием, общим переживанием. Праздник предполагает общность людей, так как возникает не только по поводу событий, имеющих значение и смысл для каждого из многих людей, но и потому, что выражает коллективную реакцию, коллективное отношение к этим событиям.

Но само это явление имеет антагонистическую, двойственную природу, так как само возникновение праздника связывается, помимо прочих факторов, с прогрессирующим процессом разложения в первобытном сознании и общественной практике тождества субъекта и объекта, индивида и рода, с возникновением религии. Праздник, изначально выражая собой выход и возвращение в утерянное состояние идентификации личности и рода, признавал ограниченность и временность этого выхода. Таким образом, он как бы брал на себя функции снятия отчуждения.

Как правило, на период празднеств всех объединяет некое всеобщее мироощущение и мировосприятие. Историк искусства и культуры Глеб Поспелов по этому поводу пишет: «На смену различиям или даже враждебности интересов приходило утопическое ощущение причастности к народному целостному коллективу, недолгое, но радостное сознание единения с другими» [10]. Праздник представляет собой такую фазу коллективной жизни, в которой личность гораздо интенсивней, чем в обыденной жизни, публично проявляет свое единство с нацией и ее ценностями. Праздник имеет смысл для личности лишь тогда, когда он выводится из ее принадлежности к сообществу, установившему и соблюдающему этот праздник и формы его празднования. Так, например, загруженность площади толпой, изначально очень разносоставной, но приведенной здесь к некоему общему знаменателю, создавало чувство равенства и причастности общему делу, единому коллективу – к миру в том его понимании, какое закреплено в выражении «пир на весь мир». С последним фразеологизмом тесно связан широко распространенный обычай праздничного гостевания.

Еще в старину приемы гостей требовали значительных расходов, не всем были по карману. Для обеспеченных, богатых они служили (да и сейчас продолжают служить) демонстрацией достатка, подчеркиванием различий, места в общественной иерархии, становятся формой соперничества. Но даже те, кому это не совсем или совсем не по карману стремились и стремятся накрыть праздничный стол, чтобы хоть на время почувствовать отсутствие грани между ними и «богатыми мира сего»: всех как бы объединяет праздничный стол. Поэтому, как правило, многие народные праздники совпадают по времени с накоплением благ, в особенности пищи, а ритуал призван освящать такое обилие, которое в религиозных верованиях всегда трактовалось как проявление милости сверхъестественных сил – милости, за которую люди обязаны публично благодарить эти силы.

В процессе празднования общими усилиями воссоздается утрачиваемая в обычные дни гармония и мир, происходит соединение не только живых, но осязаемой становится связь с умершими и еще не родившимися членами сообщества. Так человек в празднике оказывается точкой пересечения будущего и прошлого, средоточием опыта и мудрости праотцев и той жизненной энергии, которая является причиной рождения потомков и прогресса в его положительном смысле. Это во многом объясняет тот факт, что все большие праздники сопровождалось разного рода гаданиями, как возможностью заглянуть в будущее, предугадать судьбу, а также посещением могил, поминовением усопших, как данью уважения и благодарности предкам, прошлому.

Крупные события и даты традиционного календаря праздновались как бы в трех измерениях. Собирались и отмечали праздник дома (демонстрируя сплочение семьи, рода; подчеркивая родство по крови), обязательно в церкви (родство по вере, приобщение к серьезной и высокой духовности), на площади (единение социума, легализация и высвобождение естественного, природного в человеке). Как видим, все три части направлены на осуществление древнейшей философии праздника – объединение в общем устремлении, преображение себя и мира, приобщение к непреходящим ценностям.

Праздник может возникнуть только там, где существуют постоянные культурные связи между людьми; совместное празднование, в свою очередь, эти связи необычайно

укрепляет. В прошлом участие в религиозных праздниках было запрещено людям чужой веры, религиозные таинства для народных масс придавали этим праздникам особый смысл. Участие в празднике входило в комплекс обязанностей, вытекающих из общности личности и народа, и потому часто принимало и до настоящего времени принимает форму долга перед сообществом – религиозного, патриотического, национального, гражданского, классового или политического, а также профессионального, корпоративного, семейного.

Личность, уклоняющаяся от выполнения долга, подвергается религиозным, юридическим, традиционным санкциям. Индивидуум, принадлежащий к группе единоверцев и не отмечающий ее праздников, обвиняется в отступничестве от принципов веры; гражданин, игнорирующий праздник своего государства, может быть осужден за отсутствие лояльности к нему и его идеалам; член корпорации, уклоняющийся от обязанности общего профессионального праздника, подлежит осуждению в своем кругу. Аналогично член семьи, уклоняющийся от участия в семейном празднике, осуждается за пренебрежение семьей и добрыми обычаями.

В сознании самой нации праздник может стать ценностью, подтверждающей ее культурную тождественность, оригинальность, приверженность традициям, наследию, доказательством обладания собственными национальными, этническими, региональными художественными образцами, достижениями искусства, обнаруживающими себя именно в праздничной форме.

Помимо всего перечисленного, праздник для празднующего сообщества и его членов означает также время эмоционального подъема, особого праздничного настроения. Многие аспекты и функции праздника, актуализируемые и становящиеся доступными во время празднования, целая гамма событий, каждое из которых может оказаться для человека источником удовлетворения, привлечь его внимание так же, как неповторимое настроение праздника, его атмосфера, красочность и динамизм, – все это способствует тому, что в этот период личность обретает возможность гораздо более полной жизни, чем в будни. Праздник для личности сочетается также с расширением ее привычных прав, временным отходом от повседневных норм поведения, даже в таких сферах, которые обычно связаны со строгими запретами (как, например, в сексуальном поведении). Последнее в особенности касается праздников в русле традиции культа плодородия и эротических культов, оставивших прочные следы во многих культурах.

Часто праздник сочетается с характерными формами развлечений, дающих личности возможность разрядки, позволяющих участвовать во всеобщности праздничного смеха, воздействующих на него очищающим образом. Перенос человека в атмосферу игры, свободы выбора, российские городские праздники прошлого, например, давали эту возможность. Массовое гуляние со всеми его развлечениями дарило каждому, вступившему в его магический круг, столь необходимое праздничное настроение и потрясение. Хорошо известно, что потрясение – важнейшая потребность человека, как и переключение его из серьезной сферы жизни в смеховую. Обилие испытанных сильнодействующих комических приемов и эффектов способствовало проявлению здоровой эмоциональности, знание же вкусового спроса посетителей вело к удовлетворению эстетических потребностей.

Возможно, постоянство, устойчивость праздников связаны, прежде всего, с тем, что, концентрируя из поколения в поколение культурную активность людей, обрстая обрядами, развлечениями, декорациями, создавая атмосферу радости и подъема, прерывая обыденный ритм труда и забот, праздник отвечает столь многим коллективным и индивидуальным запросам, что потребность в его проведении оказывается более устойчивой, чем первоначальная идея, ценность или совокупность ценностей, вызвавших его к жизни.

Действительно, для вовлеченных в него людей праздник может служить мощным стимулом к творчеству, к активному участию в его художественном оформлении, в придании ему блеска, к созданию произведений пластических видов искусства, литературы, музыки, органически связанных с праздником. История искусства знает огромное количество таких творцов и их произведений – от скромных, безвестных до общепризнанных гениальных художников. Чего стоят работы Леонардо да Винчи, сделанные по заказу знатных вельмож, для проведения того или иного праздника. Способность праздника вдохновлять людей на творчество, пробуждать творческие возможности личности – это проявление его общественной жизненности.

Эстетическая составляющая праздника: чувственно-эмоциональная насыщенность содержания, выразительность, алогизм, экспрессивность, зрелищность, элементы карнавальности, театрализация – все эти качества роднят праздник с искусством, но не отождествляют с ним. Психологический механизм воздействия праздника на личность близок к катартическому воздействию искусства, так как праздник может быть некоей пограничной зоной между реальной действительностью и произведением искусства.

Праздник – это зачастую еще и своеобразная концентрация духовной, религиозной активности человека, специфический момент, в котором культовые потребности находят полное удовлетворение, так как от культового действия верующий ожидает разрешения своей проблемы, ведь в культе не бывает безвыходных ситуаций. Литургийный обряд – будь то заклание животных, или участие в торжественном шествии, или сакральная трапеза – внушает верующему, что такое решение существует в иной, сверхчеловеческой сфере, к которой он взывает. Сверхъестественные силы в любую минуту готовы разрешить проблемы человека, превратить его страдание в радость, а смерть – в воскресение. В любом случае исход для истинно верующего всегда предрешен и всегда счастливый.

Таким образом, праздник связан с ценностью высшего порядка, которая является святыней для празднующих. Сакральность, как и праздник, всегда несет в себе некую противопоставленность бытовым нормам массового поведения, широко существующим на практическом уровне.

Поэтому, чем глубже вера в ценности, которым посвящен праздник, тем глубже он воспринимается человеком, тем сильнее положительное влияние праздника на личность; в религиозной жизни такое переживание может доходить до экстаза, до самозабвения, выражаться в радостном возбуждении или покаянном самоуничижении. Утрата интереса к празднику – это утрата личностью лежащих в его основе ценностей. Когда эти ценности для человека безразличны, когда он лишь декларирует или даже симулирует их принятие, чтобы не подвергнуться санкциям со стороны своего окружения, вряд ли можно ожидать, что праздничные переживания будут для него чем-то глубоким и существенным.

Отход от какого-то вида праздника может быть следствием перемен в мировоззрении человека: порывая, например, с религиозным праздником, он в то же время может активно включиться в празднование государственных или национальных годовщин. Как правило, те же самые факторы, которые определяют место личности в общественной структуре, в основном влияют и на его отношение к празднику. Для человека, занимающегося тяжелым физическим трудом, связанным с природным и производственным циклами, праздник есть нечто естественное – это отдых, как правило, желанный, обильное потребление продуктов, редких или недоступных в обыденное время, усиление межличностных и культурных контактов, развлечения и забавы, для которых в рабочие дни у человека просто нет времени. Для людей, ведущих праздный образ жизни, а также для высокообразованных интеллектуалов праздник всегда выполнял иные функции: он становится возможностью отдать дань традиции, поводом для удовлетворения престижных устремлений, для развлечений, банкетов и визитов.

Понимание праздника как исключительного отдыха, необходимого для восстановления душевных и физических сил человека, позволяет говорить о том, что праздник – это пространство для духовного и эстетического развития личности, для ее эмоциональной разрядки.

Достижению всех вышеописанных целей и задач праздника служит его семиосфера (термин Ю. М. Лотмана), то есть сфера знаковой деятельности праздника, а также ее трансляция и трансформация в культурогенезе. С праздником как фазой культурной жизни связаны культурные явления, в принципе не имеющие места вне праздника. Создавая образ идеального общественного состояния, высокого духовного порядка будущего, праздник использует все знаки культуры той или иной эпохи и общества: символы, обряды, ритуалы, церемонии, нормы общения, нормы публичной жизни, привычки и традиции, лексику (например, словесные формулы), жесты, изделия народных промыслов, игры, вещи, а также умение оперировать праздничными символами, праздничные магические действия, гадание, игры и забавы. Здесь имеется в виду целый комплекс элементов, составляющих внешний антураж праздника и несущих, каждый в отдельности и все вместе, определенную семантическую нагрузку.

В культурном отношении знаковый арсенал праздников постоянно пополняется; песни, стихи, рассказы, пляски, предсказания, игры и развлечения с использованием элементов природы придают им характер символа, метафоры, наполняют мистическим, но вместе с тем и эстетическим значением; создается традиция, и она в свою очередь становится ценным достоянием, которое группа хранит, культивирует и передает последующему поколению. Об этом, в свое время, замечательно писал М. М. Бахтин: «Язык образов обогащался новыми оттенками значений и уточнялся. Благодаря этому народно-праздничные образы могли стать могущественным орудием художественного овладения действительностью, могли стать основой подлинного широкого и глубокого реализма. Народные образы эти помогают овладеть не натуралистическим, мгновенным, пустым, бессмысленным и распыленным образом действительности, – но самим процессом ее становления, смыслом и направлением этого процесса. Отсюда глубочайший универсализм и трезвый оптимизм народно-праздничной системы образов» [2].

В контексте праздника, особенно в его ритуальных моментах, все преобразуется, любая утилитарность оборачивается культурой: «...каждое действие, слово, предмет, часть пространства приобретают второй смысл, резко отличный от обычного. Иными становятся и правила их сочетания, и принципы их использования» [1]. Продолжительность и всенародный характер празднования требовали от всех активного участия в общем веселье. Праздничное поведение предусматривало прием и хождение в гости, обильную еду и питье, совместное исполнение песен, коллективные игры и развлечения.

Именно с праздником связана особая сторона материальной культуры, куда входят костюмы, украшения, декорации, кухня, специальные временные сооружения и снаряжения, символы. Обязательным считалось преображение людей и обстановки. В России из сундуков вытаскивались лучшие, нарядные одежды, снаружи и внутри украшались дома, выезжали в расписных санях, устланных коврами и яркими тканями дорожками, лошади и дуги обвешивались колокольчиками и лентами. На Троицу, например, девушки в праздничных нарядах и с венками на головах украшали березку цветными ленточками и водили на лугу под песни сложные живописные хороводы необыкновенной красоты.

Со временем некоторые из праздников утрачивают первоначальный смысл, например, связь с культом, приобретают светский характер, игра и забава, сопутствующие им, как правило, не превращаются в центральный элемент, то есть такой элемент, который придает смысл самому празднику. В забавной, комической, сатирической форме, также часто берущей начало в культе, выражаются идеи праздника, идеи, важные для праз-

днующего сообщества. Забава, игра, состязание имеют, наконец, цель придать блеск праздничному дню, сделать его привлекательным, сообщить участникам состояние радостного возбуждения.

В то же время, превращение праздника лишь в фольклорное зрелище может быть связано с утратой его смысла в общественном сознании, что может привести к десемантизации праздника. К тому же, то, что в одной ментальной системе несло одну семантическую нагрузку, в другой системе может обратиться в свою противоположность. Выявить первоначальный смысл праздника позволяет иногда исследование, проведенное по правилам семиотики. С помощью семиотического анализа жестов, нарядов, обрядов и т. п. учеными неоднократно делались попытки реконструировать генетическую основу праздника. Подобная практика характерна для последователей структурно-семиотических методов.

Праздники не просто сохраняют прошлые этапы развития культуры в новых условиях, они препятствуют окостенению наличной, современной культуры – тренируется сама способность к мобильному и неоднозначному, объемному видению мира; праздники кочат из одних национальных культур в другие, меняя семантику. Поэтому полноценное знание и понимание праздника невозможно без изучения его истоков.

Совершенно очевидно, что культура не возрождается сама, мир человеческих ценностей должен возобновляться и перестраиваться постоянными усилиями людей. Поэтому важны механизмы, которые служат этому обновлению, осознанию ценностей, напоминанию о них, интеграции вокруг них членов сообщества посредством коллективного действия. В прошлом праздник был одним из главных источников творчества, двигателем развития культуры. Будний день, даже при наилучшей его организации, вряд ли может вполне заменить эту творческую функцию праздника. Отмирание праздника в обществе обедняет значительную часть той почвы, на которой тысячелетиями расцветала культура. Наконец, с точки зрения развития личности, опыт участия в празднике является чем-то уникальным, неповторимым. Пока ничто в человеческой истории не говорит в пользу того, что человек перестал или перестанет ощущать потребность в том промежуточном состоянии между реальной и идеальной действительностью, причастностью к сакральному, которое всегда несет в себе праздник.

Литература

1. Байбурин А. К. Коды обряда и их взаимодействие // Фольклор: Проблемы сохранения, изучения, пропаганды. – М., 1988. – С. 139.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. лит., 1965. – С. 229.
3. Беккер Г. Современная теория священного и светского и ее развитие // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. – М., 1961.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
5. Гумилев Л. От Руси к России. – М., 1992
6. Домострой. – М., 1990.
7. Иванов Вяч. О веселом ремесле и умном веселии // Декоративное искусство СССР. – 1990. – № 6.
8. Некрылова А. Ф. Традиции русской культуры в массовых народных праздниках // Традиционная народная культура / МК РФ; ГИВЦ. – М., 1995. – С. 32–67.
9. Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. – Л., 1984. – С. 54.
10. Поспелов Глеб. Искусство городских низов // Декоративное искусство СССР. – 1990. – № 11. – С. 31.
11. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. – СПб., 1995.
12. Соколова З. На просторах Сибири. – М., 1981. – С. 71–72.